

DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.001

УЧАСТИЕ ДЕПУТАТОВ ОТ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ОБСУЖДЕНИИ КАВКАЗСКОГО ЗАПРОСА В ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Л.Б. Салихова
М.Н. Османова

В статье рассматривается т.н. Кавказский запрос – один из вопросов, поднятых в Государственной Думе третьего созыва, а также участие депутатов от Восточного Кавказа в его обсуждении. Изучение деятельности Государственной Думы имперского периода, включение представителей от национальных окраин в обсуждение думских дел предоставляет возможность осветить роль последних в политической жизни страны. Интерес к истории страны, также и к истории ее регионов указывает на актуальность изучаемого вопроса. Цель статьи – рассмотреть суть поднятого вопроса, показать деятельность восточнокавказских представителей в решении запроса, в выдвигании своих вопросов и привлечения внимания членов Думы к положению населения Восточного Кавказа. При написании статьи был использован принцип объективности, историзма, описательный метод и т.д. В статье показано, что Кавказский запрос, предусматривавший борьбу с террористическими актами на Кавказе, на самом деле был связан с возмущением представителей власти, ранее управлявшей на Кавказе, против наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова, начавшего зачистку против первых. Рассмотрение запроса, выдвинутого фракцией правых, продемонстрировало противостояние политически активной части населения страны и представителей Государственной Думы с указанной фракцией. Отмечено, что при рассмотрении Кавказского запроса на обсуждение выносились и вопросы, не имевшие непосредственного отношения к поднятой теме. Уклонение от указанной темы было связано с возможностью привлечь внимание Государственной Думы к вопросам, по мнению выступавших, наиболее насущным. Избирательный закон от 3 июня 1907 г., уменьшивший число депутатов от национальных окраин в составе Третьей Государственной Думы, лишил их возможности оказывать влияние на ход дебатов. Однако они принимали участие в обсуждении вопросов, выносившихся крупными фракциями для выступления со своей точкой зрения с целью внесения поправок, предложений и т.д.

Ключевые слова: Третья Государственная Дума, Кавказский запрос, Восточный Кавказ, наместник Кавказа, депутаты.

Для цитирования: Салихова Л.Б., Османова М.Н. Участие депутатов от Восточного Кавказа в обсуждении Кавказского запроса в Третьей Государственной Думе // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 53 (92). С.43-55. DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.001

Государственная Дума Российской империи явилась результатом революции 1905 г. Дума была первым представительным законодательным органом.

С 1906 г. до революции 1917 г. была проведена работа четырех Дум, среди них Третья Государственная Дума была единственной, которая прорабо-

тала 5 лет (1 ноября 1907 г. – 30 июля 1912 г.), т.е. весь срок по закону о выборах. В связи с тем, что выборы в Третью Думу были проведены на основании нового Положения о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г., были ограничены избирательные права крестьян, рабочих, снижено число представителей от национальных окраин [1]. Соответственно, уменьшилось и число депутатов от Восточного Кавказа по сравнению с предшествующими созывами. Так, Восточный Кавказ был представлен в лице И.И. Гайдара (член Государственной Думы от Дагестанской области и Закатальского округа), Н.В. Лисичкина (член Государственной Думы от Терской области), И.П. Покровского – 2-го (член Государственной Думы от населения Кубанской и Терской области, не принадлежащего к числу казаков, и от населения Черноморской губернии), Е.И. Тихонова (член Государственной Думы от войскового населения Терского казачьего войска, умер 4 марта 1908 г.) [2, 421, 423, 426; 3, 127].

На заседаниях Третьей Государственной Думы рассматривался широкий круг вопросов: «реформирование армии, крестьянский вопрос, отношение к национальным окраинам и другие» [1]. Сокращение числа представителей в целом как от Кавказа и Закавказья в Государственной Думе третьего созыва не повлияло на снижение интереса и обращения к теме Кавказа в Думе [4, 77; 5, 77].

Наиболее обсуждаемым вопросом в Третьей Государственной Думе явился Кавказский запрос – ему был уделен период с 10 декабря 1908 г. по 5 февраля 1909 г. «Кавказский запрос был инициирован фракцией крайне правых и на-

ционалистов (В.М. Пуришкевич – автор запроса), Н.Е. Марков и др.)» [6, 42].

Название запроса предполагало борьбу с террористическими актами на Кавказе, но на самом деле он был связан с возмущением представителей власти, ранее управлявших на Кавказе, против которых предпринял чистку наместник, граф И.И. Воронцов-Дашков (1837–1916 гг.), а также с отсутствием желания «высшей столичной администрации поступиться своими правами центрального управления... Целью фракции правых было признание действий властей неудовлетворительными и упразднение кавказского наместничества» [6, 42].

Обсуждение запроса началось с речи депутата от Бессарабской губернии, члена бюро фракции правых В.М. Пуришкевича, который выступил с обвинения графа И.И. Воронцова-Дашкова. Основное положение запроса заключались в том, что местная администрация не принимала мер к прекращению преступности [7, 6]. Пуришкевич высказывался о том, что «система управления на Кавказе в настоящее время есть система антигосударственная, ведущая к умалению достоинства русского имени, и падению престижа русской власти» [7, 17]. Он отмечал, что из руководства Кавказа были изгнаны «представители и носители русского национального достоинства», а вместо них назначались лица, «которые негожи в центральной России», те, которым «ненавистно все русское» [7, 33].

Депутат от Тифлисской губернии, представитель социал-демократической фракции Н.С. Чхеидзе, защищая интересы Кавказа и разъясняя происходящее там, на заседании от 21 января 1909 г. приводил в пример слова наместника Воронцова-Дашкова, характери-

зовавшего кавказскую администрацию: «Посылка на окраины худших элементов, которым нет места в центральной России, должна быть прекращена, так как она ведет лишь к падению значения в глазах украинного населения государственной власти» [7, 73]. Деятельность Воронцова-Дашкова, по мнению Чхеидзе, состояла не в проведении обещанных им реформ, а в повторном завоевании края [7, 73].

Депутат от Карской и Батумской областей и Сухумского округа, представитель фракции прогрессистов и мирно-обновленцев П.Л. Шервашидзе указывал на назначение Воронцова-Дашкова на пост наместника Его Императорского Величества в феврале 1905 г., т.е. в период, когда правительство осознало необходимость приближения власти к населению и отходу от старых приемов правления. Он отмечал, что на Воронцова-Дашкова не была возложена миссия по продолжению агрессивной политики князя Голицына, в отличие от авторов запроса. Назначение И.И. Воронцова-Дашкова было связано с ликвидацией старой политики и введением новых начал в правлении [7, 79].

Шервашидзе коснулся и вопроса малоземелья крестьян, указав на то, что на Кавказе процветает крепостное право в форме временно-обязанных отношений. Он был убежден, что целью запроса являлась не борьба с террористическими явлениями на Кавказе, а борьба с наместником, которая велась не с целью отстаивания интересов России, а также начал русской государственности, а в интересах «той гнилой части русского чиновничества, которая ютится на кавказской окраине и которая хочет сохранить за собою свое безответственное и привилегированное положение путем

разжигания племенных страстей» [7, 81].

Член Государственной Думы от Кутаисской губернии, представитель социал-демократической фракции Е.П. Гегечкори отмечал, что граф И.И. Воронцов-Дашков был типичным представителем безответственного правительства, он применял к населению Кавказа и опустошительные карательные операции, по его приказу над населением совершалось насилие. Поэтому речь о бездействии кавказской администрации подверглась сомнению. Гегечкори привел примеры деятельности Воронцова-Дашкова, опровергавшие мнение Пуришкевича о его лояльности и попустительстве. Он обосновывал нападки на графа неведением или агитацией, или же эгоистическими целями, которые преследовал Пуришкевич [7, 82, 83, 85].

Гегечкори настаивал на том, что кавказская администрация игнорировала интересы местного населения, национальные права местных народностей нарушались, так же обстояло дело с народным образованием, медициной, продовольственной и агрономической помощью, судебным делом и т.д. Местное население было отстранено от решения этих вопросов. На Кавказе продолжали существовать зависимые отношения одних людей от других, остатки крепостного права, несмотря на указ 12 декабря 1904 г., манифест 17 октября 1905 г. и указ 5 октября 1906 г., согласно которому было объявлено равноправие крестьян. Гегечкори обращался с вопросом к председателю Совета министров П.А. Столыпину: известно ли ему, что вместо внутренней созидательной работы, возложенной на наместника Кавказа, работа администрации

была связана с борьбой с населением и проявлялась в репрессиях и т.д. Он требовал привлечения к законной ответственности виновных лиц, если это все было известно [7, 102]. По мнению Гегечкори, так должен был редактироваться настоящий запрос, который совпадал бы с интересами как русского народа, так и всех национальностей, проживавших на Кавказе. В обращении к правым он говорил об отказе от их запроса, который виделся им «как продукт... истинно-русского воображения и истинно-русской провокации» [7, 103].

Депутат от русского населения Закавказья, член фракции правых Ф.Ф. Тимошкин в своей речи высказывался о стеснениях, которые испытывали русские переселенцы, указывал на помехи, которые создавали туземные власти, состоявшие в центральном правительстве, среди них граф М.Т. Лорис-Меликов (армянин), бывший министр финансов Н.Х Бунге, карсский генерал-губернатор В.А. Франкини. Но вместе с тем они предоставили возможность переселиться в Закавказье турецким и персидским беженцам-армянам. В результате этого армянское население Закавказья увеличилось в 10 раз. Тимошкин указывал на ущемление прав русских, на положение русских чиновников, уездных начальников, приставов и других чиновников по уездам, которые могли быть отстранены от занимаемой должности из-за ложных жалоб местного населения [7, 121, 128].

Депутат от Дагестанской области и Закатальского округа И.И. Гайдаров в своей речи затронул положение населения Северного Кавказа. Он обратился к рескрипту императора Александра II от 13 октября 1871 г., адресованному кав-

казскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, который предписывал «окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить над горскими племенами нашу нравственную власть, которая составляет верный залог спокойного обладания» [7, 161].

Гайдаров сообщал и о практическом отсутствии разделения между сословиями на Северном Кавказе. Он отмечал, что русское правительство желало искусственно организовать аристократическое сословие. Было создано Кюринское ханство Дагестанской области. В итоге кюринский хан, обретая власть от русского правительства над кюринским населением, стал злоупотреблять своим полномочиями: облагать чрезмерными податями народ, отнимать силой их дочерей, передавать и казнить своих подвластных. Население выражало недовольство действиями хана. В 1860 г. в Темир-Хан-Шуру к начальнику Дагестанской области была отправлена делегация из 200 человек.

Помимо того, в Дагестане благодаря русской власти с помощью взяток и подарков общественные земли были переданы в руки беков, т.е. дворян [7, 161, 162]. В Кубанской и Терской областях горские земли были изъяты русским правительством в пользу казаков и казны несмотря на неоднократные обещания о сохранении земель за горцами.

Гайдаров приводил сведения комиссии, избранной Владикавказской городской думой для рассмотрения причин грабежей и разбоев в г. Владикавказе, которая отмечала, что с периода покорения Кавказа казаки рассматривали туземцев как своих врагов. Отобрав лучшие земли у туземцев, они вновь при помощи администрации пытались согнать их с земель, обработан-

ных большим трудом. Такое отношение породило неприязнь между местным населением и казаками, в то время как администрация не только не принимала мер по урегулированию конфликтов, а «постоянно приносила интересы одной половины населения, туземного, в жертву другой – казакам» [7, 162].

Гайдаров отмечал, что подобное положение местного населения, находящегося «вне действий общих законов» [7, 162], постоянно притесняемого со стороны властей и войскового сословия, у которого находилось в кабале, и лишенного как юридических, так и экономических прав защиты своих интересов, – разорялось, дичало, озлоблялось, было сбито с толку и иногда выражало свое недовольство «в диких и кровавых формах открытого мятежа, как это было в Чечне в 1898 г.» [7, 162].

Гайдаров указывал, что вместе с изъятием земель у горского населения шла агитация и по их переселению в Турцию. Так черкесы, чеченцы, осетины покидали земли своих предков и переселялись в степи Малоазиатской пустыни благодаря деятельности русского правительства. Почти 50% из них погибало в пути, а остальные вели бродячий образ жизни. Оставленные ими земли и сады переходили в руки казаков, которые превращались в пустыни.

В Дагестанской области общественные земли были экспроприированы в пользу казны или дворян на основе мусульманского права – шариата. Помимо того, в области вместе с безземельным и малоземельным крестьянством существовал крепостнический институт – раяты. Гайдаров остановился на способе закрепощения вольных узденей Дагестанской области, отметив то, что реформа 1861 г. не принесла никаких

результатов для раят Дагестана [7, 163, 164].

К характерным чертам «управления краем русской бюрократией» [7, 166] Гайдаров относил систему провокаций, которая заключалась в стравливании национальностей между собой, в желании развития сепаратизма у коренных жителей с использованием жесточайших мер «под видом системы подкупов и взяточничества» [7, 166]. К данной системе прибегали и в XVIII в. К примеру, в 1782 г. предпринимались попытки рассорить между собой кавказские племена для их ослабления и ради усиления русской власти. По мнению И.И. Гайдарова, если бы члены Государственной Думы полагали, что система провокаций была характерна для пришедших армян, а теперь на Кавказе живет мирное население и нет необходимости в подобных действиях, то он посчитал бы их мнение ошибочным. Провокаторы существовали и в тот, и в этот период и были наделены властью [7, 167].

Гайдаров подчеркивал, что горцы находились в плачевном состоянии, их положение было ужасно. В то время как казаки были обеспечены огромными участками земли, которые составляли в среднем до 101 десятины на двор, местное население терпело во всем недостаток, хотя эти земли им принадлежали в прошлом.

Останавливаясь на описании тягот, которые испытывали ингуши, Гайдаров отмечал, что они страдали от разбоя небольшой части своей молодежи, которая вела преступную жизнь в области. Ингуши несли платежи и тяготы, о которых не имели понятия как другие соседние горские племена, так и русские крестьяне. Так, общая сумма ежегодных платежей каждого сельского общества

составлял 7282 руб., а платежи каждого двора – больше 24 руб. в год без учета случайных штрафов, которыми облагались сельские общества за проступки отдельных лиц [7, 169, 170].

Гайдаров привел обращение ингушей еще в Первую Государственную Думу. Ингуши (50000 человек), жившие с давних времен на территории, вошедшей в состав Терской области, занимались земледелием. Классовое деление у них отсутствовало, управление было построено на общинных началах. После покорения Кавказа в 60-х гг. XIX в., несмотря на преданность России, выраженную ингушами не раз в трудные минуты, «местные власти, охваченные пагубной идеей русификации края, начали отбирать у нас (ингушей. – Авт.) земли и заселять их казаками» [7, 170]. Так, две трети насильственно отобранных земель ингушей перешло в руки казаков, в итоге первым пришлось арендовать землю у казаков ради выживания. Арендная плата за год обходилась в 30000 руб. Помимо того, ингуши облагались штрафами и полагали, что казаки пользовались любым удобным случаем, чтоб придрататься к ним. Местная власть была представлена казаками, а областной начальник – атаман Терского казачьего войска – ничего не предпринимал в отношении казаков [7, 170, 171].

Гайдаров отмечал, что местное население Дагестанской области негативно относилось к разбоям и грабежам. Поимка разбойников обычно не обходилась без участия самих граждан. В пример он приводил случай, произошедший с жителями г. Дербента. Они просили губернатора защитить их от разбойников, но вместо этого получили ответ, что «разбойники, как ветер в поле, – их не поймаешь» [7, 172, 173]. В

то же время начальник Терской области всех туземцев считал разбойниками. В доказательство Гайдаров привел циркуляр, изданный в 1908 г. начальником Терской области. Согласно документу, местные жители, обвиненные в тяжких преступлениях, после возбуждения уголовного дела либо в начале расследования, либо в период дознания бежали в европейскую часть России и устраивались в охрану. Найти и привлечь их к ответственности было нелегко. В связи с этим в интересах правосудия и безопасности населения от лиц, не имевших право служить в охране, было предписано не разрешать представителям местного населения Терской области выезжать в Россию на службу без удостоверения на право выезда, которое представлялось после проверки отсутствия причин к задержанию. Гайдаров расценивал данный циркуляр вступительной речью «к возбуждению сепаратизма» [7, 173].

Помимо того, он приводил постановление, на основании которого местному населению (осетинам, кабардинцам, ингушам, чеченцам и кумыкам) помимо выезда в какую-либо часть России запрещалось наниматься на службу и в двух казачьих отделах Терской области – Кизлярском и Моздокском. Так, «овцеводам, хуторянам и сельским хозяевам, как русским, так и туземцам, проживающим на казачьих и частновладельческих землях названных двух отделов», запрещалось «иметь у себя служащих из перечисленных выше туземцев в качестве работников, приказчиков, объездчиков, пастухов и сторожей» [7, 173–174]. Они считались неблагонадежными, их нанимали как дешевую рабочую силу. Начальник Терской области полагал, что дан-

ные лица, поступив на место работы, начинали систематически заниматься воровством, представляя собой проводников, пособников «воров-туземцев» [7, 173]. Нанимать на указанные виды работы запрещалось и караногайцев. На выполнение данного постановления предоставлялся месячный срок, в случае неисполнения он влек за собой штраф в размере от 50 до 1000 руб. или вел к лишению свободы на срок до одного месяца. Таким образом, Гайдаров указывал, что местное население, потеряв свои земли, которые перешли к казакам, лишилось и возможности работать на данной территории [7, 174].

Гайдаров считал, что сама администрация являлась преступной, и вместо того, чтобы защитить население, она часто наказывала аулы штрафами будто бы за сокрытие преступников. Гайдаровым было зачитано письмо, в котором сообщалось о похищении нескольких лиц, после чего в Терскую область была направлена карательная экспедиция. В итоге пострадало четыре человека, на которых указало общество: они были расстреляны казаками.

Остановился Гайдаров и на вопросах религии, образования, земских вопросах. В отношении религии он отмечал, что ислам являлся единственной религией для кавказских мусульман, и что его «избиратели стоят за принцип полной свободы вероисповедания без всякого вмешательства государства» [7, 176]. Избиратели выступали за подрыв привилегий главенства церкви и бесправия мусульман. Они требовали возврата вакуфных земель для открытия медресе и подготовки светски образованных мулл.

Требовало внимание и школьное образование. Гайдаров указывал на

желание местного населения открыть правительственные школы. Строительство школ шло за счет средств местного населения, но администрация препятствовала данному процессу. Школы в Дагестанской области практически отсутствовали, те же, которые работали, служили механизмом «для изуродования детской души и бессмысленной русификации» [7, 177]. Не лучше обстояло дело и с медициной (врачебной помощью), которая отсутствовала. Больниц не было, на округ обычно имелась одна аптека, в которой не было «даже хинина» [7, 177]. Один врач приходился на округ с населением в 7000 человек, он не мог обслужить и десятую часть населения.

Гайдаров негативно высказывался и о суде. Он отмечал, что учреждения суда отсутствовали в Дагестане. Выбор судей происходил под давлением властей, председательствующих «как в окружных судах, так и в Дагестанском областном суде» [7, 177]. По мнению населения, судьи работали на основании мнений господ представителей. Гайдаров указывал на взяточничество большинства судей и безграмотных переводчиков, этому сопутствовали маленькие зарплаты и другие обстоятельства. Он обратился к всеподданнейшему докладу наместника Воронцова-Дашкова, отмечавшего ограниченность сельских судов, которые и так прекращали работу. Деятельность представителей администрации противоречила понятию не только народного, но и вообще суда как такового, так как решение разных дел шло под нажимом чиновников [7, 177–178].

Гайдаров отмечал, что люди желали организации выборного суда и администрации. Что касается введения

земств на Кавказе, то, согласно мнению «начальствующих лиц», горцы не хотели земств. Гайдаров приводил слова наместника Воронцова-Дашкова, который указывал, что инициатива всех культурных проектов в местах с военно-народным управлением шла от высших органов управления. Местные власти говорили лишь о нереальности применения разных мер в отношении к подвластному им населению «из-за косности его» [7, 178].

Негативное отношение местной администрации к реформам, в связи с которыми возникали новые обязательства, и негативное отношение самого населения Воронцов-Дашков видел, к примеру, в поголовном двукратном отказе «сельского населения в нескольких округах Дагестана от участия в выборах в Государственную Думу под предлогом предосторожности, как избежать новых налогов» [7, 178]. Кроме того, некоторые округа Дагестанской области высказывались против введения земских учреждений из-за боязни организации земской полицейской стражи вместо действующей милиции.

По мнению Гайдарова, Кавказ служил местом, где представители органов власти могли добиться повышения по службе. А отношение к кавказским горцам у органов власти было навеяно политикой «согнуть в бараний рог» [7, 178].

Оппонентом И.И. Гайдарова, представителя от Дагестанской области и Закатальского округа, выступал Н.В. Лисичкин – депутат от Терской области, – высказывавшийся в защиту казаков. Отстаивая свою точку зрения, Лисичкин возлагал надежду на Государственную Думу, которая «выразит пожелание умиротворить враждующие стороны» [7, 178].

Среди мер, необходимых для умиротворения, он видел просвещение горского населения Терской области с целью оказания влияния на «дикие нравы», существовавшие среди местного населения, для искоренения кровной мести. Лисичкин отмечал, что у горского населения не было ни школы, ни здравоохранения, дороги находились в ужасном состоянии, многие места были доступны только для пешего путника. «Наряду с просвещением необходимо ввести целый ряд других культурных мер в эту область», – отмечал Лисичкин [7, 47].

В ответной речи Гайдаров заявлял, что Лисичкин напрасно выступал против него, так как в предшествующей его речи не было ничего того, что цитировал последний, подтверждением этому являлись и стенографические отчеты. Гайдаров утверждал, что его обвинения в отношении провокационной системы управления были связаны с кавказской администрацией, в то время как низшее казачье сословие, так же как и горское население, он считал орудием в руках местных властей для провокационных целей [7, 58].

В своем выступлении Гайдаров остановился на речи Н.Е. Маркова 2-го, в которой он обратил внимание на горцев Дагестанской области, изучающих тюркское наречие и знающих тюркский язык. Гайдаров полагал, что только по этому вопросу была необходимость в дебатах с Марковым, все остальное он приравнивал к вымыслу. Гайдаров подчеркивал, что население Дагестанской области, часть которого составляли лезгины, не могло составлять одну общую народность, и в Дагестане существовало более 70 наречий (языков). К примеру, он указывал на существо-

вание отдельно стоящих аулов, говорящих на особом языке, неизвестном окружающим. В Дагестанской области среди горского населения проживала и группа тюрко-татар – носителей азербайджанского или турецкого языка. Тюрко-татары со своей культурой, литературой, литературным языком способствовали передаче этого языка горским народам, у которых не было ни грамоты, ни письменности.

Кроме того, для горцев было характерно отходничество. Из-за отсутствия пригодной земли горцы в числе 100000 человек ежегодно уходили на заработки. Основным направлением для них служило Закавказье, в частности Баку, где они изучали азербайджанский язык. Гайдаров задавался вопросом, почему из-за этого необходимо обвинять население Дагестанской области в сепаратизме и в их обязательном переходе на сторону турков в случае войны с Турцией. Страх Маркова 2-го и правых, по мнению Гайдарова, был сопряжен с бездействием русского правительства в отношении кавказского населения со времен завоевания Кавказа. «Представитель наместника говорил нам: “Да, совершенно верно, нет ни школ в Дагестане, ни больниц, но это скоро будет”. Зато, гг., там жандармы есть, и в изобилии, и эти жандармы доставляют документы гг. Марковым 2-м, которые впоследствии обвиняют горское население в измене» [7, 59].

Гайдаров отмечал, что в разбоях и грабежах горцев была и вина правительства, которое экспроприировало земли горцев, приводило их к экономическому разорению, искусственно поддерживая их в невежестве и лишая возможности пользоваться своими правами. В итоге горское население не было защищено

правительством от злоумышленников. Беда Государственной Думы и русского государства, по мнению Гайдарова, заключалась в отсутствии понятия о своих окраинах, внимание к которым возникало при опасении развития там сепаратизма. Однако Гайдаров уверял, что идеи сепаратизма не были приемлемы ни для Дагестанской области, ни для других областей Кавказа. Он просил политических свобод для народов Кавказа, для того чтобы и они были «свободными гражданами свободной России» [7, 60].

На заседании 5 февраля 1909 г. Е.П. Гегечкори отмечал, что кардинальный пункт в Кавказском запросе состоял в вопросе «о попустительстве кавказской администрации к революции, к туземцам, словом, о бездействии кавказской власти в момент революционной борьбы» [7, 1], в то время как ораторы, выступавшие в защиту запроса, порой отходили от основного пункта выдвинутого вопроса [7, 1]. Так, в речах восторонних ораторов, как курского депутата Н.Е. Маркова, так и депутата от Виленской губернии, товарища секретаря Государственной Думы Г.Г. Замысловского ничего не сообщалось о поднятом вопросе, не было представлено ни цифровых, ни фактических данных. Обвинения были адресованы к кавказской администрации в отношении «нечистоплотности по части кармана» [7, 1], но это не являлось предметом спора.

Председатель бюро конституционно-демократической фракции П.Н. Миллюков отмечал, что Кавказский запрос был внесен общественной группой союза Архистратига Михаила, цель которого предусматривала возврат к политическому курсу князя Голицына и о. Восторгова [7, 69].

Против принятия Думой Кавказского запроса выступил председатель фракции социал-демократов Н.С. Чхеидзе, а также фракция партии конституционных демократов [6, 46–47]. Выступая на заседании Государственной Думы, депутат от г. С.-Петербурга П.Н. Милюков обозначил, что спокойствие и благополучие на Кавказе возможно при выполнении четырех условий: 1) организации обычного порядка по управлению краем с исключением всех особых положений, разваливающих администрацию, проведение преобразований с вовлечением местных представителей, возврат полиции к своим делам: защите личности и имущества мирных жителей; 2) отступления от столкновения с отсутствующим сепаратизмом с помощью принудительных методов русификации церкви, школы, суда, управления; принятия и удовлетворения культурных, национальных, религиозных потребностей местного населения; 3) отмене крепостных отношений, имевших место в крае, а также решения земельного вопроса в интересах трудящихся; 4) организации земских учреждений на Кавказе и общих судебных норм. Милюков отверг запрос [7, 81]. «Данное обоснование полностью одобряло деятельность администрации кавказского наместника, назвало обвинения его правыми неосновательными и тенденциозными» [6, 49].

В защиту наместника Воронцова-Дашкова выступил его помощник сенатор И.В. Мицкевич. Он отмечал, что главной целью наместника являлось проведение политики бывших кавказских наместников до 1882 г. при следовании общегосударственным интересам и поддержании взаимосвязи кавказской окраины с остальными частями России посредством справедли-

вого отношения к местному населению [7, 87].

После выступления представителей наместника на Кавказе предложение отклонить запрос было выдвинуто «Союзом 17 октября» в лице депутата П.В. Каменского от Екатеринославской губернии. Он отмечал, что «для всякого вопроса о том, чтобы принимать запрос, почвы уже нет, и остается только один способ ликвидации кавказского запроса – это принять ту или другую форму перехода к очередным делам» [7, 91]. В итоге было предложено применить ряд мер для улучшения положения на Кавказе, а также для установления тесного единства между управлением Кавказа и общегосударственным управлением [7, 91], которое было поддержано большинством центра и правых [6, 50].

Таким образом, Кавказский запрос, предусматривавший борьбу с террористическими актами на Кавказе, на самом деле был связан с возмущением представителей власти, ранее управлявшей на Кавказе, действиями наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова, начавшего зачистку первых. Цель фракции заключалась в упразднении кавказского наместничества. Рассмотрение запроса, выдвинутого фракцией правых, продемонстрировало противостояние политически активной части населения страны и представителей Государственной Думы с указанной фракцией. Депутаты Думы в своих выступлениях доказывали отсутствие пассивности со стороны Воронцова-Дашкова, отмечая меры, предпринимавшиеся кавказской администрацией в отношении населения Кавказа.

При рассмотрении Кавказского запроса на обсуждение выносились и вопросы, не имевшие непосредствен-

ного отношения к поднятой теме, т.е. выступавшие отходили от выдвинутого вопроса. Уклонение от указанной темы было связано с возможностью привлечь внимание Государственной Думы к вопросам, имевшим, по мнению выступавших, наиболее актуальное значение.

Избирательный закон от 3 июня 1907 г. значительно уменьшил число депута-

тов от национальных окраин в составе Третьей Государственной Думы, лишив их возможности оказывать влияние на ход дебатов. Однако они принимали участие в обсуждении вопросов, выносивших крупными фракциями для выступления со своей точкой зрения с целью внесения поправок, предложений и т.д.

1. Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/>

2. Члены Государственной думы: (портреты и биографии): Третий созыв, 1907–1912 г. / Сост. М.М. Боиович. 6-е изд. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. 456 с.

3. 3-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. СПб.: Изд. Н.Н. Ольшанского, 1910. 66 с.

4. Шандулин Е.В. К вопросу о формировании «Кавказского вопроса» в России (по материалам I–III Государственных дум Российской империи) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 72–79.

5. Дарчиева С.В. Национальные, социально-экономические и политические вопросы в работе северокавказских депутатов Государственной Думы России (1906–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–2 (58). С. 74–80.

6. Сергеев В.Н. Кавказский запрос в III думе: борьба фракций (1907–1912 гг.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 1. С. 41–57.

7. Кавказский запрос в Государственной думе: полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. Тифлис: Электротпечатня Х.Г. Хачатурова, 1909. 280 с.

Salikhova, Leila B. – Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre of RAS (Makhachkala, Russia); leila.salikhova@yandex.ru

Osmanova, Milena N. – Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre of RAS, e-mail: osmanova-milena@rambler.ru

PARTICIPATION OF THE EASTERN CAUCASUS DEPUTIES IN THE DISCUSSION OF THE CAUCASIAN REQUEST IN STATE DUMA III.

Keywords: *Third State Duma, Caucasian request, Eastern Caucasus, viceroy of the Caucasus, deputies.*

The paper considers the “Caucasian request” – one of the issues raised in the State Duma of the third convocation, as well as the participation of deputies from the Eastern Caucasus in its discussion. Studying the activities of the State Duma of the imperial period, including representatives from the national outskirts in the discussion of the Duma affairs provides an opportunity to highlight the role of the latter in the political life of the country. Interest in the history of the country, as well as in the history of its regions, indicates the relevance of the issue under study. The purpose of the paper is to consider the essence of the raised issue, to show the activity of the East Caucasian representatives in the solution of the request, in proposing their issues and drawing the attention of the members of the Duma to the situation of the population of the Eastern Caucasus. The principle of objectivity, historicism, descriptive method, etc. was used. The paper shows that the Caucasian request for the fight against terrorist acts in the Caucasus was actually connected with the indignation of the representatives of the authorities who had previously ruled in the Caucasus against the viceroy of Count I.I. Vorontsov-Dashkov, who began the purge against the former. Consideration of the request by the right-wing faction demonstrated the opposition of the politically active part of the country’s population and representatives of the State Duma with the said faction. It was noted that during the consideration of the Caucasian claim, issues that were not directly related to the topic raised were also brought up for discussion. The avoidance of this topic was due to the opportunity to draw the attention of the State Duma to the most pressing issues according to the speakers. The electoral law of June 3, 1907, which reduced the number of deputies from the national outskirts in the Third State Duma, deprived them of the opportunity to influence the course of the debates. However, they took part in the discussion of the issues put forward by large factions to present their views, to introduce amendments, proposals, etc.

For citation: Salikhova, L.B., Osmanova, M.N. Participation of the Eastern Caucasus deputies in the discussion of the Caucasian request in State Duma III // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 53 (92). Pp.43-55. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.001

References

1. Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo sobraniya Rossiiskoi Federatsii [The State Duma of the Federal assembly of the Russian Federation] [Electronic resource]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/>
2. Boiovich, M.M. (comp.). *Chleny Gosudarstvennoi dumy: (portrety i biografii): Tretii sozyv, 1907–1912 g.* [Members of the State Duma: (portraits and biographies): Third convocation, 1907–1912]. Moscow, Tip. T-va Sytina I.D., 1913. 456 p.
3. *3-i sozyv Gosudarstvennoi Dumy: portrety, biografii, avtografy* [3rd convocation of the State Duma: portraits, biographies, autographs]. St. Petersburg, Izd. Ol'shanskago N.N., 1910. 66 p.
4. Shandulin, E.V. *K voprosu o formirovanii “Kavkazskogo voprosa” v Rossii (po materialam I–III Gosudarstvennykh dum Rossiiskoi imperii)* [On the question of the formation of the “Caucasian issue” in Russia (on materials of the I–III State Dumas of the Russian Empire)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and law research]. 2014, no. 2, pp. 72–79.
5. Darchieva, S.V. *Natsional'nye, sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie voprosy v rabote severokavkazskikh deputatov Gosudarstvennoi Dumy Rossii (1906–1917 gg.)* [Na-

tional, social, economic and political issues in work of North Caucasian deputies of the State Duma of Russia (1906–1917)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. 2015, no. 8–2 (58), pp. 74–80.

6. Sergeev, V.N. *Kavkazskii zapros v III dume: bor'ba fraktsii (1907–1912 gg.)* [The Caucasian claim in State Duma III: the collision of fractions (1907–1912)]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and municipal administration. Scientific notes of North Caucasian Academy of Public Service]. 2011, no. 1, pp. 41–57.

7. *Kavkazskii zapros v Gosudarstvennoi dume: polnye rechi vsekh oratorov po ofitsial'nym stenogrammam* [Caucasian request in the State Duma: full speeches of all speakers according to official transcripts]. Tiflis, Elektropechatnya Khachaturova Kh.G., 1909. 280 p.